

НЕ МОГУ ПРОДОЛЖАТЬ. ПРОДОЛЖУ.

Сэмюэл Беккет

Вполне можно сказать (1999)

Вполне можно сказать, что римский квартал Триесте является центром этой истории, в которой есть и другие центры. Этот квартал всегда балансировал между фешенебельностью и упадком, роскошью и убожеством, избранностью и посредственностью, и на этом пока довольно: не стоит описывать его детально, поскольку подобное описание может показаться скучным, а скука в начале истории не сулит ничего хорошего. К тому же, чтобы наилучшим образом показать любое место, следует наглядно представить то, что там происходит, а там действительно происходит нечто значительное.

Скажем так: одно из событий, из которых состоит эта история, в которой есть и другие истории, происходит как-то утром в римском квартале Триесте, в середине октября 1999 года, допустим, на пересечении улиц Кьяна и Рено, на втором этаже одного из тех зданий, которые мы здесь не собираемся описывать и где уже случился миллион других событий. Вот только событие, которое должно здесь произойти, — решающее и, вполне можно сказать, потенциально губительное для героя этой истории. На двери его врачебного кабинета написано «Д-р Марко Каррера, окулист-офтальмолог» — эта дверь еще ненадолго отделяет его от самого страшного момента в жизни, богатой

и другими страшными моментами. В кабинете на втором этаже одного из этих зданий в квартале Триесте он выпи­сывает рецепт пожилой пациентке, страдающей воспали­нием век, «блефаритом обычным» — глазные капли с ан­тибиотиком, применяемые после революционной, можно сказать, инновации, лечения N-ацетилцистеином, который впрыскивается в глаз, что спасло многих его пациентов от самой страшной опасности этого заболевания, а именно от его перехода в хроническую форму. А за стенами каби­нета доктора уже поджидает готовая обрушиться на него судьба в лице низкорослого человечка, лысого и бородато­го, по имени Даниеле Каррадори, наделенного — и это не преувеличение — магнетическим взглядом, которым тот вскоре вопьется в глаза окулиста, впрыснет в него спер­ва недоверие, затем растерянность и, наконец, боль, перед которой его наука (офтальмология) окажется бессильной. Это решение человек уже принял, и оно привело его в приемную доктора, где он сейчас находится, вниматель­но разглядывая свои ботинки вместо того, чтобы перели­стывать страницы новеньких журналов — прошлогодних, но не подверженных тлению, — разложенных на столиках приемной. Не приходится уповать, что он передумает.

Час пробил. Дверь кабинета открывается, пожилая па­циентка с блефаритом выходит, поворачивается к доктору, пожимает ему руку, затем направляется к стойке реги­страторши, чтобы оплатить визит (120 000 лир), а Карре­ра, выглянув в приемную, вызывает следующего пациен­та. Человек поднимается и идет ему навстречу, Каррера пожимает ему руку и приглашает сесть. Старинный про­игрыватель фирмы «Торенс», давно переживший свое вре­мя, хотя четверть века назад считался одним из лучших, установлен на стеллаже вместе с доказавшим свою надеж­ность усилителем «Маранц» и двумя колонками AR6 крас-

ного дерева. Негромко звучит мелодия с пластинки Грэма Нэша «Песни для начинающих» 1971 года, странный конверт от которой, стоящий рядом на том же стеллаже с портретом вышеназванного Грэма Нэша с фотоаппаратом в непонятном контексте, является самым ярким пятном в кабинете доктора. Дверь закрывается. Час пробил. Защитная пленка, отделявшая доктора Марко Карреру от самого сильного эмоционального удара в его жизни, в которой он выдерживал и другие серьезные удары, лопнула и канула в вечность.

Помолимся о нем и обо все кораблях, ушедших в море.

Открытка до востребования (1998)

*Луизе Латтес
До востребования
59–78, ул. Архивов
75003, Париж
Франция*

Рим, 17 апреля 1998 г.

Работаю и думаю о тебе.

М

Да или нет (1999)

- Здравствуйте, я — Даниеле Каррадори.
- Марко Каррера. Очень приятно.
- Вам ничего не говорит мое имя?
- Ничего. А должно?

— Вероятно.

— Вас не затруднит повторить еще раз?

— Даниеле Каррадори.

— Вы психоаналитик моей жены?

— Так точно.

— Простите ради бога. Не думал, что мы когда-нибудь встретимся. Присаживайтесь. Чем могу быть полезен?

— Выслушайте меня, доктор Каррера. И после всего, что я скажу, постарайтесь по возможности не обращаться с жалобой в Коллегию министерства и особенно в Итальянское общество психоаналитиков, что вы с легкостью можете сделать, будучи моим коллегой.

— Жаловаться на вас? С какой стати?

— Видите ли, то, что я собираюсь сделать, в моей профессии категорически запрещено и влечет за собой суровое наказание. Мне никогда бы и в голову не пришло это сделать или даже подумать о таком, но у меня есть все основания полагать, что вы находитесь в серьезной опасности и что я — единственный человек на свете, который об этом знает. Я решил поставить вас в известность, отдавая себе отчет в том, что тем самым нарушаю одну из главных заповедей моей профессии.

— Да ладно! Слушаю вас.

— Позвольте прежде всего попросить вас о небольшой любезности.

— Выключить музыку?

— Какую музыку?

— Неважно. Так о чем вы хотели попросить?

— Не могли бы вы ответить мне на несколько вопросов? Просто хочу удостовериться в правдивости того, что слышал о вас и о вашей семье, и исключить факт, что мне навязали искаженную картину. Это очень маловероятно, но все-таки допустимо. Вам понятно?

— Да.

— Я захватил с собой вопросник. Пожалуйста, отвечайте только «да» или «нет».

— Договорились.

— Начинаем?

— Валяйте.

— Вы — доктор Марко Каррера, сорока лет, флорентинец, имеете диплом по общей медицине и хирургии Римского университета Сапьенца, специалист в области офтальмологии?

— Да.

— Вы — сын Летиции Дельвеккьо и Пробо Карреры, оба архитекторы, оба на пенсии, проживают во Флоренции?

— Да. Только мой отец — инженер.

— А, ну да. Вы — брат Джакомо, который моложе вас на несколько лет, проживает в Америке, и Ирены, утонувшей — приношу соболезнования — в начале восьмидесятых?

— Да.

— Вы женаты на Марине Молитор, словенке, место работы «Люфтганза», занимающейся приемом и наземным обслуживанием пассажиров?

— Да.

— Вы — отец Адели, десяти лет, ученицы пятого класса государственной школы, расположенной у Колизея?

— Школы имени Витторино да Фельтре, да.

— Девочки, которая в возрасте от трех до семи лет думала, что к ее спине привязана веревочка, и это заставило ее родителей обратиться к специалисту по детской психологии?

— К магу Манфротто...

— Как вы сказали?

— Да так, неважно. Это он просил, чтобы дети так его называли. Но проблему веревочки решил не он, хотя Марина убеждена в обратном.

— Понятно. Стало быть, это правда, что вы обращались к специалисту по детской психологии?

— Да, но только не вижу связи...

— Однако вы понимаете, почему я задаю вам все эти вопросы? У меня ведь только один источник информации, и я обязан проверить его надежность в связи с тем, что собираюсь вам сообщить.

— Ясно. Так что же вы собираетесь мне сообщить?

— Если не возражаете, сначала еще пара вопросов. Они более интимные, поэтому попрошу ответить с предельной искренностью. Согласны?

— Да.

— Вы играете в азартные игры?

— Давно забросил.

— Но можно смело утверждать, что раньше вы играли в азартные игры?

— Да. Было дело.

— Правда ли, что до четырнадцати лет вы отставали в росте и были настолько ниже своих сверстников, что мать даже прозвала вас *Колибри*?

— Да.

— Когда вам было четырнадцать, отец отвез вас в Милан на экспериментальное лечение гормонами, в результате которого вы достигли нормального роста, вымахав меньше чем за год почти на шестнадцать сантиметров?

— Точнее, за восемь месяцев. Да.

— Правда ли, что ваша мать была против, то есть хотела, чтобы вы оставались крохой, а решение лечить вас в Милане было первым и последним авторитарным по-

ступком вашего отца при исполнении своих родительских обязанностей, поскольку в вашей семье, простите за выражение, цитирую дословно, «он — совершенно пустое место»?

— Неправда, но учитывая, кто это сказал, да. Марина всегда была уверена, что это так.

— Что именно неправда, что ваша мать была против или что ваш отец — пустое место?

— Неправда состоит в том, что отец — не пустое место, хотя такое о нем складывается впечатление у всех, и в первую очередь у Марины. Она и мой отец — это два настолько разных характера, что зачастую кажется...

— Не будем пускаться в пространные объяснения, доктор Каррера. Отвечайте односложно, да или нет, договорились?

— Хорошо.

— Правда ли, что вы всегда были влюблены и поддерживаете многолетнюю связь с некой Луизой Латтес, в настоящее время проживающей в...

— Что? Откуда вам известно?

— Догадайтесь.

— Да вы что! Исключено. Марина не могла вам сказать, что...

— Пожалуйста, отвечайте только да или нет. И постарайтесь быть откровенным, я ведь должен проверить надежность своего источника. Итак, вы по-прежнему влюблены в нее или у вашей жены только сложилось такое впечатление, что вы влюблены в эту Луизу Латтес, да или нет?

— Нет, конечно!

— Значит, вы не встречаетесь с ней тайно во время научных конференций во Франции, Бельгии, Голландии и других местах неподалеку от Парижа, где проживает Луи-